

Судьба классического наследия в современной Японии (заметки инсайдера)

(Долин А.А.)

Япония – страна древней высокоразвитой культуры. Подобное утверждение звучало бы унылым трюизмом, сравнимым разве что с «Волгой, впадающей в Каспийское море», если бы не парадоксы исторического развития человечества, которые эту банальную истину ныне в значительной мере опровергают. То есть никаких сомнений в наличии богатейшей культуры на Японских островах, разумеется, ни у кого возникнуть не может. Она повсюду, куда ни глянь. Туристов в Киото неизменно ведут любоваться дзэнским садом камней в храме Рёандзи, Золотым павильоном, Серебряным павильоном, замком Нидзё (со снесенным донжоном), храмами Ниси Хонгандзи и Хигаси Хонгандзи, монастырем Тофуку-дзи, декоративным районом Гион, а желающих приглашают также посетить еще две-три сотни храмов и пару дюжин знаменитых садов древней столицы. В Нара их поджидает грандиозный деревянный храм Тогайдзи с гигантской Буддой внутри и не менее впечатляющее синтоистское святилище Касуга. Большим Буддой и десятками знаменитых обителей гордится столица сегунов Камакура, поражают воображение богатым убранством храмы и гробницы сегунов в Никко.

По всей стране проведена регистрация городов с сохранившимися старинными кварталами, которым присвоено почетное звание «малого Киото». Их набралось пятьдесят – в остальных старые постройки были скрыты до основания на протяжении минувшего века. Досконально изучены и описаны старинные храмы, великолепные средневековые сады и парки. Любовно обихожены замки, сохранившиеся после кампании «борьбы с проклятым наследием феодализма» в эпоху Мэйдзи. Их тоже насчитывается около пятидесяти в разных концах страны. Некоторые были отстроены заново из бетона после пожаров и разрушений – в Осаке, Нагое, Одаваре, Ёкотэ и многих других городах. Остальные полторы сотни разделили печальную участь величественного «Замка зеленых листьев», родового владения даймё Датэ в Сэндае или крепости владетельного клана Сатакэ в Аките: их когда-то разобрали по камушку, не оставив даже следа от могучих твердынь, служивших оплотом князьям и полководцам японского средневековья. Кое-где, правда, сохранились части призамковых городов – например, усадьбы самураев в горном Какунодатэ, хотя замка, в котором они служили, давно уж и след простыл.

Многое исчезает бесследно в потоке времени. Рушатся памятники архитектуры, становятся антикварной редкостью артефакты, гибнут в огне пожарищ оригиналы бессмертных полотен. Как печально констатировал Иван Бунин, «из древней тьмы, на мировом погосте звучат лишь письма». Но уж с письменным наследием в Стране восходящего солнца все обстоит прекрасно: богатейшие архивы, превосходные научные центры, книгохранилища с полностью оцифрованными фондами, доступными ныне в режиме онлайн, разветвленная сеть университетских и публичных библиотек. При стопроцентной грамотности населения и невероятно развитой муниципальной инфраструктуре культурного сервиса все сокровища отечественной литературы и сопряженные с ними шедевры каллиграфии ныне в полном распоряжении благодарных читателей.

В Японии на государственные средства был создан колоссальный междууниверситетский Научно-исследовательский Центр Отечественной литературы (Кокубунгаку кэнкю сирёкан), включающий также грандиозный по масштабам фонд древних и средневековых рукописей, книг каллиграфических надписей и рисунков. Еще в 1989--1990 гг. в период стажировки по линии Японского фонда мне довелось провести много дней в стенах этого уникального центра, работая над подготовкой перевода антологии «Кокинсю» при участии заведующего отделом рукописей профессора Синдо Кёдзо. Тогда Центр располагался в довольно большом и относительно современном здании неподалеку от кольцевой станции Готанда в закоулках района Тогоси. В новом тысячелетии Центр Отечественной литературы перенесли в академгородок, выросший в Татикаве, городке-спутнике Токио, вокруг площади Наук и Искусств. Новое здание, оснащенное по последнему слову техники, в несколько раз больше старого, что неудивительно, поскольку книгохранилище стремительно разрастается год от года за счет приобретения новых коллекций. Как члену правления Кокубунгаку кэнкю сирёкан (кстати, единственному иностранцу среди двадцати четырех членов правления) мне приходится регулярно бывать в Татикаве, наблюдая воочию процесс приобретения новых коллекций и их обработки. Результаты научных исследований печатаются в вестнике Центра, который проводит также ежегодные международные конференции.

Другой масштабный научно-исследовательский центр был создан на базе музея Дом Современной японской литературы (Нихон киндай бунгакукан) в Токио. Здесь хранятся личные архивы писателей Нового и Новейшего времени. Разумеется, эти материалы также сканируются и оцифровываются, что делает их достоянием широких кругов исследователей. Издается научный вестник. Кроме того, здесь налажено

серийное производство репродуцированных версий первых изданий авторских книг периода Мэйдзи – Тайсё – начала Сёва. В Центре читаются циклы лекций по литературе, проводятся выступления поэтов.

В восьмидесятые годы прошлого века был воплощен еще один грандиозный правительственный проект – создание Международного центра изучения японской литературы близ Киото (Нитибункэн). Этот центр, располагающий прекрасной библиотекой и хорошо знакомый многим японоведам Европы, Америки, Азии и Австралии, был спроектирован как ответ Японии на вызов эпохи глобализации. Хотя одной из основных задач Нитибункэн является создание оптимальных условий для долгосрочной стажировки ведущих японоведов мира, его научный штат выполняет самые разнообразные функции: от координации международных проектов по изучению ключевых проблем японской литературы и культуры до инвентаризации и разработки базы данных всех зарубежных коллекций японского искусства. Публикации Нитибункэна за последние десятилетия сами по себе уже составили внушительную базу данных. В лоне Нитибункэна формировались также разнообразные теории о становлении и развитии японской культуры, выдвинутые известными современными учеными: Умэхара Такэси, Хага Тору, Наканиси Сусуму, Каваи Хаяо, Осима Хитоси и многими другими.

По всей стране разбросаны мемориальные музеи писателей и поэтов. Только музеев авторов Нового времени, которые курирует ныне Дом Современной японской литературы (Нихон киндай бунгакукан), насчитывается порядка полутора сотен, а с учетом авторов древности и средневековья общее количество, вероятно, составит более двухсот пятидесяти. Художественные и краеведческие музеи тоже уделяют немалое внимание книжной классике. Так, в крупнейшем музее Эдо-Токио находится большое собрание книг эпохи Эдо, представляющих огромное разнообразие жанров и форм литературы позднего средневековья и показывающих многосторонние связи между литературой и живописью *укиё*, воплощенной в гравюре.

Особенностью культурного ландшафта Японии со времен Средневековья являются каменные стелы с запечатленными на них строками классических стихов – *танка* (*кахи*), *хайку* (*кухи*) и *киндайси* (*сихи*). Эта традиция, некогда заимствованная из Китая, живет и в наши дни. Например, только в Аките установлено двадцать *кухи*, посвященных одному, причем не слишком известному, поэту, уроженцу этой префектуры Исии Рогэцу, ученику и другу патриарха новой поэзии *хайку* Масаока Сики. Поэтические стелы издавна возводились на средства местной администрации и

спонсоров в местах, связанных с биографией поэтов и их странствиями. Существуют десятки стел со стихами Сайгё, сотни со стихами Басё и в общей сложности, вероятно, тысячи – со стихами других поэтов, что придает всей стране совершенно уникальный поэтический колорит. Память прославленных поэтов, писателей и драматургов увековечивают также многочисленные бронзовые изваяния, бюсты и сложные скульптурные композиции – как, например, мемориал Исикава Такубоку в Хакодате.

На полках библиотек, как университетских, так и публичных (городских и районных), классику, к которой можно отнести произведения не только Средневековья, но и Нового времени, представляют огромные серии прекрасно оформленных томов. Безукоризненно подготовлены полные собрания, причем не только авторов уровня Сайкаку, Тикамацу, Басё, Кавабата Ясунари или Акутагава Рюноске, но и великого множества писателей второго, а также третьего ряда, о которых в университетских курсах литературы нет даже упоминаний.

Радуют глаз любовно подобранные многотомные серии избранных шедевров классики Средневековья и Нового времени, отсортированные компетентными редколлегиями как по хронологическим периодам, так и по жанрам, и по отдельным авторам. В подавляющем большинстве серии, охватывающие литературу Древности и Средневековья, содержат подробнейший комментарий, а порой и параллельный перевод на современный язык. Книги, представляющие литературу на *камбуне* или на чисто китайском языке (например, литература Пяти монастырей) снабжены переводом в различных вариантах. Самая популярная форма – параллельный постраничный перевод текста, но есть и другие случаи. Так, поэзия *канси* «Шальное облако» («Кёун-сю») в собрании сочинений известнейшего дзэнского мыслителя и поэта 15 в. Иккю дублируется в отдельном переводе на *бунго* целиком, практически как отдельная книга.

В немыслимом разнообразии представлены также вспомогательные пособия: литературные энциклопедии, справочники и словари, в которых можно найти как биографические сведения о любом мало-мальски известном деятеле японской литературы и культуры. Сравнительно небольшой биографический справочник, предоставляющий информацию только о поэтах Нового времени, содержит около шести с половиной тысяч имен – причем в нем фигурируют только лауреаты литературных премий... Другие издания предлагают системный анализ отдельных технических приемов – например, «постоянных эпитетов» *макуракотоба* в поэзии *танка* или сезонных слов *киго* в поэзии *хайку*. Огромная альбомная серия представляет средневековые шедевры каллиграфии с переводом и подробным комментарием.

Специальные серии представляют гравюры *укиё* с расшифровкой подписей и авторских печатей.

Почетом и уважением окружены театры Но, Кабуки и Бунраку, постоянно обновляющие свой классический репертуар и воспитывающие новые актерские кадры. Не забыты и театр Ёсэ, и театр одного актера *ракуго*. Каждый из театров имеет определенный контингент поклонников, регулярно посещающих спектакли. Столь же любовно пестуются традиции национальной музыки и художественных ремесел.

***

Казалось бы, любая страна может только мечтать о таком освоении своего культурного достояния. Однако на фоне бурного развития специализированных исследований в разных областях гуманитарных наук и заботы государства о сохранении культурного наследия не может не вызывать недоумения и беспокойства резкое падение культурного уровня широких масс населения, к которым уже можно отнести и многомиллионную служилую интеллигенцию с университетскими дипломами. Вопреки видимому благополучию в области культуры, уровень того образования, которое когда-то называлось классическим и действительно таковым являлось, в последние десятилетия упал в Японии до критической отметки, катастрофически снижая интерес масс к наследию предков.

Дело здесь прежде всего в системе школьного обучения, которое, как известно, было реконструировано в послевоенный период по американскому образцу. Тогда, в результате реформы 1947 г., из школьной программы выпали китайский язык (вспомним, что на протяжении многих веков японская культура была фактически билингвистична), история страны, традиционная этика и многие другие ключевые гуманитарные дисциплины. Школа была переориентирована на практические ценности.

В сущности, отечественная литература как таковая не входит в список приоритетных школьных предметов и скорее относится к числу комплиментарных дисциплин, инкорпорированных в многолетнюю школьную программу Родной речи (*кокуго*), давно уже перейдя в категорию обременительной лишней нагрузки. Не входит литература и в список вступительных экзаменов в университетах. Такое положение литературы в школьной программе отчасти компенсируется популярностью курса отечественной литературы во многих университетах, а также в некоторых краткосрочных женских колледжах – наряду с курсом англо-американской литературы. Однако на факультеты японской литературы все же попадает ничтожный процент выпускников школ, а остальные, в том числе и миллионы студентов вузов,

довольствуются школьным «Курсом молодого бойца», который не способен дать даже самое приблизительное представление о японской классике и не предполагает чтения классических шедевров целиком даже в современной обработке.

То, что, может быть, применимо в США и даже в Европе, не оправдывает себя в Японии. Основная причина проста: язык. Если в любой европейской стране к концу первого класса (а иногда и значительно раньше) ребенок уже умеет читать и писать, а значит, получает возможность читать самостоятельно любые книги, то в японской школе он достигает более или менее достаточного уровня грамотности только на девятом году обучения, выучив обязательный иероглифический минимум. Лет до шестнадцати большинству приходится довольствоваться радикально адаптированными и щедро снабженными картинками текстами учебников Родной речи (*кокуго*), скорее напоминающими комиксы-*манга*. В учебниках *кокуго* для начальной школы, в которой ученики пребывают до 13 лет, практически никаких литературных произведений, кроме сказок, вообще не упомянуто. В учебниках для средней школы микроскопические фрагменты из одной-двух средневековых классических книг, а также из пары небольших адаптированных фрагментов классики нового времени в произвольном наборе, разбросанные среди прочих занимательных дидактических материалов по японскому языку, уже имеются, хотя обнаружить их нелегко. «Старая классика» представляет собой крохотные отрывки оригинального текста (например, «Повесть о старике Такэтори») с параллельным точным переводом на современный язык и небольшой по объему пересказ *части* всей волшебной повести. В средней школе второй ступени (9-12 год обучения), в зависимости от конкретного учебника, «старая классика» может быть представлена тем или иным лоскутным набором небольших фрагментов произведений. «Новая классика» (например, «Мальчуган» Нацумэ Сосэки) дается в виде облегченного до неузнаваемости текста одной главки. Никаких специальных пояснений по авторам и по культурному фону эпохи не прилагается. Даже если учитель и говорит о них на уроке, вряд ли ученики способны что-то запомнить на слух.

Учебников *кокуго* для средней школы, соответственно, по одному на год, и в каждом есть небольшая литературная составляющая. Акцент, однако, делается не на художественных достоинствах текста, а на особенностях старописьменного, недоступного для детей, языка, который они предположительно должны осваивать по этим текстам и прилагаемым головоломным грамматическим таблицам.

Правда, в средней школе второй ступени с литературой дело обстоит лучше. Существует несколько вариантов учебных пособий по родной речи с упором на

классическую литературу. Возьмем для примера учебник, выпущенный в 2014 г. компанией Пирсон-Кирихара, который предлагает школьникам краткий курс *камбуна* и малоформатную хрестоматию объемом около полутора ста страниц с краткими извлечениями из китайских исторических хроник, средневековых романов и поэтических сборников в переложении на *камбун*, а также японских сборников поэзии *канси*. Коллектив авторов состоит из профессоров крупнейших университетов и школьных учителей. К брошюре прилагается также довольно обширная хронологическая таблица китайской литературы. В целом пособие составлено вполне профессионально, но научиться по нему читать на *камбуне*, а тем более собственно на китайском за несколько месяцев едва ли возможно. Тексты коллективно прорабатываются в классе, но предлагаемой брошюры катастрофически мало для того, чтобы отважиться после нее самостоятельно приступить к литературе на *камбуне*. И действительно, студенты на *камбуне* не читают.

Судя по упоминаниям в старинных книгах, некогда дети выучивали необходимый объем иероглифов и принимались за чтение литературы на старояпонском, а нередко также и на китайском уже лет в двенадцать-тринадцать. Ныне в это верится с трудом. Китайский (классический *вэньянь*) был полностью исключен из школьных программ еще в результате реформы 1947 г. Степень овладения старояпонским - *кобуном* у подавляющего большинства школьников настолько низка, что, за редкими исключениями, чтение старых текстов любой эпохи (во всяком случае прозы), и особенно на *камбуне*, представляет для них сегодня почти непосильную задачу. Почти – потому что в действительности навык чтения классики мог бы быть развит при некоторой настойчивости со стороны Министерства просвещения и науки, а также учителей, но в этом направлении давно уже не предпринимается ни малейших усилий. Никто не отсылает школьников и к большим, хорошо прокомментированным сериям классики с параллельным переводом на современный язык. О существовании таких серий они и не знают.

Новейший учебник собственно японской классической литературы для старших классов, выпущенный тем же издательством, и фигурирующий как учебник старого языка *кобуна*, то есть *бунго*, представляет собой компактную (около двухсот страниц), но хорошо составленную хрестоматию с делением по жанрам и по авторам, но не по эпохам. В него входят небольшие комментированные фрагменты из оригинальных текстов старинных *сэцува* («Кондзяку моногатари» и «Удзисюи моногатари»), *дзуйхицу* («Макура соси», «Цурэдзурэгуса» и «Ходзэки»), повестей («Такэтори моногатари»,

«Исэ моногатари», «Ямато моногатари», «Цуцуми тюнагон моногатари»), старинных хроник («Кодзики»), исторических повествований («Окагами»), эпических сказов-*гунки* («Хэйкэ моногатари»), лирических дневников («Сарасина никки», «Кагэро никки», «Идзуми сикибу никки», «Мурасаки сикибу никки») и бессмертного романа «Гэндзи моногатари», повестей-*кайдан* («Угэцу моногатари»). К большинству текстов даются переводы на современный язык. К двум или трем произведениям приложены краткие комментаторские толкования.

Поэзия представлена маленькими выборками из авторов «Кокинсю» и других императорских антологий, пятью *хайку* Басё, шестью *хайку* Бусон, пятью *хайку* Исса, одной *танка* Рёкан, а также по одной – Кагава Кагэки, Татибана Акэми и Окума Котомити, с кратчайшими справками о поэтах в одну строчку. Кроме того, в отдельный раздел вынесены фрагменты из трактатов по эстетике и поэтике: «Кадэнсё» Дзэами, «Кёрай-сё» Мукай Кёрай и некоторые другие.

В приложении к учебнику можно найти компендиум грамматики *кобуна*, карту Японии со старым географическим делением по провинциям, хронологические таблицы, старинные названия месяцев и много другой полезной информации.

При всем том, что хрестоматия вполне удовлетворительна по составу, она скорее напоминает распечатанную компьютерную базу данных, чем учебное пособие по литературе, поскольку в ней представлено огромное количество по-деловому сжатой, «архивированной» информации. Можно сказать, что при составлении учебника авторы следуют общим принципам отбора, характерным для многотомных серий японской классики, повторяя их в масштабе 1:1000. Если глава из «Повести о Гэндзи» еще может дать какое-то представление о книге, то одна *танка* никоим образом не способна поведать о ее создателе.

Что касается комментариев и справок, то они в основном представляют собой урезанный до одной-двух строк текст, взятый целиком из «взрослого» справочника с совершенно излишними географическими подробностями. При этом, например, в «справке» о великом дзэнском поэте Рёкан даже не упомянуто, что он был монахом, сознательно избравшим в качестве схимы нищенство и одинокую жизнь в скиту, а в «справке» о Кагэки – о том, что он был законодателем поэтической моды в первой половине XIX в.

Пособие, которое позиционируется как «Гэндайбун», то есть «современная речь», выпущенное в 2014 г. столичным издательством «Токио сёсэки», предлагает пользователям пеструю смесь из текстов Мори Огай, Абэ Кобо и Оока Сёхэй, стихов-

гэндайси Такамура Котаро, Ёсиока Минору и Тамура Рюити, нескольких современных *хайку*, а также довольно длинного ряда разрозненных статей и эссе по различным проблемам современной культуры. Все вместе создает видимость широкого охвата литературной жизни страны, но в действительности представляет собой совершенно несъедобное ассорти, от употребления которого у школьника может случиться душевное расстройство.

Учебников *кокуго* существует несколько, и набор произведений в них может отчасти варьироваться, но суть от этого не слишком меняется.

Как мы видим, современные школьные программы не чуждаются литературы, но способ подачи материала, судя по всему, просто запрограммирован на его отторжение. Материала много, он труден, плохо скомпонован, спрессован во времени и не рассчитан на последовательное усвоение и запоминание. В итоге те школьники, которые выкраивают время после занятий в школе и на репетиторских курсах, не имеют достаточной мотивации для чтения и, соответственно, никогда не прикасаются к классике вне учебной программы.

Школьные нормативы не предусматривают чтения упомянутых в учебнике произведений целиком не только по причине лингвистической трудности, но и потому, что большинство классических шедевров просто классифицируется как «не детское чтение», недоступное разумению школьника, иногда даже в старших классах (то есть в возрасте 17--18 лет). Если учесть, что в японской школе вся программа ориентирована на усредненного ученика без поправок на индивидуальные способности и неординарные интересы, то возможности самостоятельного чтения трудных классических текстов если и не полностью исключаются, то во всяком случае никак не поощряются. А если вспомнить, что подавляющее большинство старших школьников вынуждено также по вечерам посещать параллельные репетиторские курсы *дзюку* и участвовать в спортивных секциях, станет ясно, что для чтения у них нет ни времени, ни возможностей.

Стоит отметить, что популярные произведения художественной литературы, как японской, так и зарубежной, существуют, помимо перевода оригинала, в различных детских, до предела адаптированных, вариантах, которыми учащиеся школ в принципе могут пользоваться. Вероятно, к ним еще обращались до появления интернета, который благополучно избавил новые поколения школьников от необходимости посещать библиотеку. В интернете же адаптированные варианты, да еще в бесплатном пользовании, найти непросто, и сейчас ими, видимо, пользуются единицы.

Как ни странно, ситуация со школьной программой отечественной литературы несколько не беспокоит Министерство просвещения и науки Японии. Особой озабоченности, похоже, не проявляют и учителя, которые следуют по накатанному пути и явно не собираются от себя вносить какие бы то ни было изменения. Мне не удалось найти ни одной статьи, заставляющей задуматься о том, что происходит с классическим литературным наследием в Стране восходящего солнца. А ведь речь идет о трагедии национального масштаба: в суеде строительства «экономического чуда», в угаре модернизации, глобализации и информационной революции духовная составляющая японской культуры, основанная на литературной классике, странным образом выпадает из обязательного образовательного комплекса двадцать первого века, перейдя в категорию комплиментарных дисциплин.

За двадцать шесть лет работы в Японии передо мной прошли сотни студентов в классах японской литературы, которые я вел – сначала в Токийском университете иностранных языков, а затем в Международном университете Акита (МУА). Оба университета не являются профильными вузами со специализацией по японской филологии, но представляют собой достаточно типичные учебные заведения с общим гуманитарным уклоном, каковых в Японии очень много: первый – как лингвострановедческий институт, второй – как вуз с обучением по системе Liberal Arts (что подразумевает ознакомление с широким спектром гуманитарных дисциплин с добавлением естественных наук). Все эти годы я периодически проводил анкетирование студентов, суммируя результаты опросов. Кроме того, на собеседованиях перед вступительными экзаменами мне в составе отборочной комиссии ежегодно приходилось опрашивать десятки абитуриентов с целью определить уровень их интеллекта и эрудиции. Такого рода собеседования проводятся по достаточно жесткой схеме, зафиксированной в списке вопросов, куда (по моему настоянию) был внесен и вопрос о прочитанных за последние годы книгах.

Попутно можно отметить, что вопрос о круге чтения и литературных интересах молодых людей практически никогда не затрагивается в полученных от директора школы характеристиках-рекомендациях, которые часто прилагаются к документам.

Как показывают результаты собеседований и опросов, несмотря на высокие показатели в аттестатах, блестящие рекомендации и довольно содержательные сочинения-эссе на вольную тему интерес к классической литературе в целом проявляет лишь незначительное меньшинство абитуриентов, менее 10%. Однако и у этого меньшинства при ближайшем рассмотрении «интерес» обычно сосредоточен на одной

или двух книгах автора из упомянутых в школьном курсе. То есть, если в школе, например, выборочно проходят роман классика Нового времени Нацумэ Сосэки «Сердце» («Кокоро»), то интерес к автору может заставить школьника прочесть еще один его роман – скажем, «Ваш покорный слуга кот». Правда, с трудом, поскольку даже язык начала XX в. таит для современного юноши немалые трудности. Тем и ограничивается знакомство с классикой. На большее, как правило, у школьника уже нет ни времени, ни желания. Правда, и одна попытка на фоне нулевого интереса прочих должна засчитываться в актив. Никакой аналитической работы над книгами не ведется: ни разбора текстов, ни сочинений на литературные темы, столь популярных в российской школе. Жанр литературной критики может быть представлен в учебнике одной-двумя критическими статьями на произвольную тему, но написание такого рода сочинений в школе не предусмотрено. Для полноты картины можно добавить, что, хотя на вопрос «Читали ли вы книги за последний год?» многие абитуриенты отвечают положительно, в большинстве случаев речь идет о книге в единственном числе, принадлежащей айпаду какого-нибудь современного мастера детективного жанра или «женского романа» – в зависимости от личных вкусов. Здесь, впрочем, нет ничего удивительного, если учесть, что в последние годы японский книжный рынок наводнен примитивными псевдолитературными поделками, премии вручаются нередко за книги сомнительного качества, неизменным лидером продаж остается Мураками Харуки, и даже престижная литературная премия Акутагавы присуждалась девятнадцати-двадцатилетним девицам за соответствующий палп-фикшн.

Объясняется такая денонсация классики тремя факторами: трудностью архаичного текста, дефицитом времени и отсутствием стимула, а также поощрения со стороны учителей, которые и сами ныне отнюдь не отличаются начитанностью. Хотя классическая средневековая проза действительно трудна для понимания, в действительности большинство классических шедевров не являются непреодолимым препятствием для учеников старших классов, уже способных свободно читать на современном языке и имеющих некоторое представление о *кобуне*. Ведь издается древняя классика почти всегда с параллельным переводом на современный японский или по крайней мере с очень подробными комментариями. А уж поэзия, в особенности *хайку*, вообще подается чаще всего в препарированном виде, так что понимание не требует от читателя особых лингвистических усилий – только дополнительное время. Однако для подобного чтения нужен стимул, нужна заинтересованность, подогреваемая

«общественным статусом» данной дисциплины, а такой заинтересованности школа, по-видимому, создать не может и не хочет.

Чтение книг сегодня не дает никакого преимущества в реальной жизни. Наоборот, оно, скорее, только мешает, предлагая молодому человеку некую альтернативную «идеалистическую» систему ценностей, иногда значительно отличающуюся от общепринятых в данной социальной среде практических моделей. Ведь оценка конкурентоспособности индивидуума ведется почти всегда по сумме полученных им прикладных знаний, а не по сумме его эстетических установок и эмоциональных возможностей. Классическая литература уже давно перешла для подавляющего большинства молодежи в разряд музейных экспонатов, которые заслуживают всяческого уважения, но рассчитаны главным образом на специалистов-филологов, а не на массового читателя.

Курс отечественной литературы в программе любого университета (помимо собственно факультетов японской филологии, где имеется, конечно, весьма значительная диверсификация) может подразумевать все, что угодно, кроме базового ознакомительного курса, освещающего основные этапы литературного процесса по хронологическому и жанровому принципу. Хотя в странах Запада и в России освоение зарубежных литератур предполагает именно такой подход, в японском университете любой обобщающий базовый курс, в том числе и по литературе – редкое исключение из правила. Виной тому, бесспорно, присущий японской науке, а также и образованию, утрированный «компарментализм».

Очень часто специалист, формально ведущий якобы базовый курс, сосредотачивается на одном периоде или даже на одном авторе, неторопливое чтение и толкование которого и становится основным наполнителем курса. Тот же подход характерен и для многих преподавателей истории, социологии или антропологии, которые, не слишком полагаясь на свою эрудицию, предпочитают не выходить за рамки собственных статей или диссертаций. Неудивительно, что познания студентов в конце такого курса не намного превышают их уровень в начале семестра. Добавив к этому затухающую потребность новых поколений молодежи в чтении книг, мы получим довольно безрадостную общую картину.

К тому же программа университетов, как правило, включает крайне мало комбинированных лекционных курсов с участием нескольких преподавателей (здесь курсы такого рода называются «эстафетными» – *pipé kōsu*). Такие курсы не засчитываются как полноценные индивидуальные курсы для конкретного

преподавателя и фактически превращаются в дополнительную «общественную нагрузку». В результате студенты-филологи, специализирующиеся по одной из зарубежных литератур, чаще всего обходятся без ознакомительных курсов по остальным западным, а тем более – восточным литературам, довольствуясь своей «профильной».

Таким образом, чаще всего усредненный специалист, например, по французской литературе второй половины XX в. практически ничего не знает о литературе Англии, Германии, Испании, Скандинавии, Северной и Южной Америки, а также России с древности до наших дней, довольно слабо ориентируется во французской литературе первой половины XX в., еще хуже – во французской литературе XIX в. и уже никак не ориентируется в более ранних периодах. Тем более, что, не будучи по специальности историком, он скорее всего благополучно избежал курсов по всемирной и региональной истории.

Прискорбнее же всего то, что он также очень слабо разбирается в классической японской литературе. В большинстве случаев он ее просто не знает, потому что оканчивал другое отделение, на котором курса отечественной литературы не было предусмотрено, а читать отечественную классику «для души» слишком сложно и трудоемко. Но даже на отделениях отечественной или зарубежной литературы практически отсутствуют базовые общие курсы по литературоведению и теоретической лингвистике, без которых любой анализ текста неизбежно превращается в любительское эссе. При написании же магистерских и даже докторских работ диссертанты нередко ориентируются на случайно выбранные литературоведческие концепции, далекие от мирового научного мейнстрима. Разумеется, бывают и исключения, которые нельзя сбрасывать со счетов.

Учитывая, что большинство гуманитарных предметов является элективами, выбор которых определяется исключительно личными вкусами студента, в основном при отсутствии правильного понимания сверхзадачи, очень часто дополнительные предметы несколько не подкрепляют основной специализации. Например, студент, специализирующийся по литературе эпохи Эдо и конкретно по театру Кабуки, вместо того, чтобы прослушать курсы по городской культуре *укиё* и истории зарубежного театра, может выбрать начальный курс португальского языка и практический семинар игры на аккордеоне. Этого будет достаточно для получения необходимой суммы кредитов для данного семестра. Таким образом, зачастую вместо аккумуляции вспомогательных предметов к концу обучения происходит их энтропия, а основная

специализация не подкрепляется достаточным количеством нужных дополнительных курсов.

При написании же магистерских и докторских работ, как правило, происходит дальнейшее сужение горизонта, когда аспирант полностью сосредотачивается на своей работе и в основном уже отнюдь не стремится к наращиванию полноты знаний в широком диапазоне, предпочитая углубляться в избранную узкую тему. Так, если темой диссертации является, например, конфликт чувства и долга (*гири-ниндзё*) в бытовой драме Тикамацу Мондзаэмона «Гонец в преисподнюю» (что само по себе уже довольно широкая тема), то изучения творчества других драматургов эпохи Эдо не предполагается вовсе. Поэзия и проза данной эпохи из поля зрения диссертанта также выпадают. Сравнения с западной драматургией не требуется (хотя расхожие определения типа «Тикамацу – японский Шекспир» в быту вполне возможны). Главным образом следует обобщить работы именно по данной теме японских авторов и сделать некоторые выводы на базе такого обобщения.

Русист, пишущий магистерскую, а то и докторскую диссертацию по поэме Блока «Двенадцать», может не обременять себя знакомством с ранним творчеством поэта, с творчеством его современников, с общим культурным фоном Серебряного века, с поэтическим наследием более раннего периода, а также может не озадачиваться вопросом о трагической безвременной кончине поэта. Достаточно будет анализа самого произведения на основе имеющихся работ российских и японских критиков. В результате диссертант навсегда остается специалистом узкого профиля, и этот же профиль доминирует в его лекционных курсах. Что ведет, соответственно, к дальнейшему самовоспроизводству специалистов такого же узкого профиля – по крайней мере, в области гуманитарных дисциплин.

Яркие исключения фактически только подтверждают общую закономерность.

Характерно, что в своей широкомасштабной культурной политике за рубежом, проводимой в жизнь через Японский фонд и другие организации, правительство Японии ныне взяло курс не столько на пропаганду богатейшего культурного наследия страны через посредство «высокой классики», сколько на пропаганду нового имиджа, который условно получил название «Cool Japan» – страны хайтека, *манга*, *аниме*, *оригами* и продвинутой экстравагантной моды. Такая же экспансия нового имиджа наблюдается и на внутреннем рынке. Классика ушла в тень – возможно, навсегда.

Тем не менее классическая японская литература и культура в целом продолжают до некоторой степени присутствовать в недрах современного общества, хотя и на второстепенных ролях. Ее, разумеется, по-прежнему изучают специалисты-филологи в университетах и научно-исследовательских центрах. Кроме того, в массах не иссякает интерес к классической поэзии – прежде всего *хайку*, поскольку этот жанр давно уже пустил корни в самых широких слоях населения, а за последние десятилетия свершилось триумфальное шествие *хайку* по всем континентам. Ассоциации, общества и кружки *хайку* существуют в каждом крупном городе и объединяют сотни тысяч авторов-любителей. Некоторые, впрочем, причисляют себя к профессионалам на том основании, что регулярно печатаются в журналах своих же ассоциаций (т.н. *додзин дзасси*) и размещают *хайку* на соответствующих сайтах. В меньших количествах имеются также кружки *танка* и *сэнрю*.

Существуют передачи, посвященные *танка* и *хайку*, на телевидении и на радио. Выходят специализированные журналы. Даже в крупных газетах можно встретить колонки *хайку*.

Среди современных поэтов *хайку* присутствуют все слои населения – от высокообразованных интеллектуалов до простых клерков. Все они формально в той или иной степени причастны к классической традиции вне зависимости от уровня начитанности и таланта. То же самое можно сказать о не столь многочисленных поэтах-любителях жанра *сэнрю* (шуточные трехстишия) и *танка*, чье число измеряется не сотнями, а всего лишь несколькими десятками тысяч.

Проблема, однако, в том, что увлечение *хайку*, *сэнрю* или даже *танка* отнюдь не служит неопровержимым свидетельством любви к классике. К ней с должным почтением относится лишь незначительное меньшинство. Остальные пишут в вольном стиле, не оглядываясь на наследие предков. В *танка* апофеозом такого стиля модерн стал напечатанный миллионными тиражами в 80-х годах «Праздник салата («Сарада кинэнби») Тавара Мати – сборник миленьких женских миниатюр, упакованных в фантики из тридцати одного слога. Авторы новой волны полагают, что эпоха канонических ограничений в традиционных жанрах давно окончена, как и вообще эпоха классической литературы в традиционном понимании этого термина. Фактически для них такое увлечение чаще всего просто заменяет всю остальную литературу, как японскую, так и зарубежную. То же самое можно сказать и о бесчисленных художниках-любителях, работающих в традиционных стилях. Сами по себе такие увлечения в массовом масштабе заслуживают величайшего уважения и свидетельствуют о

достаточно высоком уровне культурных запросов широких слоев населения. Вот только к классике они имеют весьма отдаленное отношение.

Членство в кружке призвано удовлетворить как художественные амбиции, так и потребность в социальном общении, которая необычайно развита среди японцев всех возрастов. Для многих пенсионеров и домашних хозяек культурные центры становятся вторым домом, где их интеллектуальные и духовные потенции реализуются в полной мере в строго заданных рамках определенной секции на протяжении многих лет. То, что хобби еще и структурируется под эгидой традиционного классического жанра, явно повышает его престиж. Но для членов данной секции все радости мира в основном замыкаются именно на ней.

В связи с этим мне вспоминается характерный эпизод из практики преподавания в Токийском университете иностранных языков. После каникул я устроил в группе студентов опрос по теме «Как вы провели лето?» Одна девушка сказала, что в течение месяца регулярно выезжала с друзьями по секции на целый день к морю в Камакуру, где они играли в пляжный волейбол. «Прекрасно. Вы, наверное, много купались?» – предположил я. – «Нет, мы вообще ни разу не купались,» – был ответ. – «Почему же? – не понял я. – Провели столько дней у моря и ни разу не купались?!» – «Но мы же ездили играть в пляжный волейбол, а не купаться!» – пожала плечами девушка, видимо, искренне удивившись моей наивности.

Для современных любителей *хайку*, *сэнрю* и *танка* их литературное хобби вовсе не обязательно связано с чтением и изучением других видов поэзии, отечественной и зарубежной, не говоря уж о прозе и драматургии. По принципу «сочинитель не обязан быть читателем», во всяком случае читателем других видов и родов художественной литературы. Такая же ситуация характерна и для всех прочих ныне практикующихся в стране традиционных искусств. При больших домах культуры и культурных центрах, особенно спонсируемых, например, газетными корпорациями Асахи или Ёмиури, действует великое множество кружков и секций (иногда более сотни), которые рассчитаны главным образом на людей, располагающих свободным временем. Значительная часть кружков так или иначе связана с освоением классического наследия, что является, бесспорно, способом поддержания и самовоспроизведения ононого. Это кружки традиционного театрального искусства, поэзии, каллиграфии, рисования тушью (*сумиэ*) в различных вариациях, *оригами*, *икэбаны* разных школ, *бонсай*, *бонсэки*, гончарного искусства, изготовления воздушных змеев и вееров, чайной церемонии, Но и Кабуки, игры на *кото*, *сямисэне* или *сякухати*. Среди участников кружков только

любители, но к ним относятся также и представители гуманитарных профессий, в основном пенсионного возраста: учителя словесности, журналисты, редакторы, корректоры и т.п. Как правило, участник одного кружка или член одной секции остается верен избранному хобби до такой степени, что никогда не выходит за его границы и уж во всяком случае не выходит за них слишком далеко. Правда, иногда чайная церемония может сочетаться с икэбаной, а каллиграфия с рисованием тушью.

В большинстве случаев одно «художественное» хобби призвано заменить для данного индивидуума все или почти все остальные сферы художественной культуры. И в этом усматривается знамение современности, когда на смену идеалу универсального мастера искусств и наук, столь популярному со времен европейского Ренессанса и эпохи Гэнроку в Японии, приходит идеал специалиста в своей узкой области знания. Когда-то между профессиональными поэтами, художниками, скульпторами и членами любительских кружков существовала почти непреодолимая грань, но сегодня эта грань становится все менее и менее заметна.

Проблема в том, что в подавляющем большинстве кружков и секций, формально представляющих классическую литературу и искусство, присутствуют лишь технические компоненты обучения и практически полностью отсутствует духовная составляющая, которая исторически была прочно укоренена в буддизме и особенно – в Дзэн-буддизме.

Дело здесь не в нарочитом пренебрежении к религии, а в особенностях опять-таки школьного образования. За все двенадцать лет обучения в школе ученик не получает никакой информации о религии (которая, конечно, отделена от государства) в любых ее проявлениях. Шанс познакомиться с религиями в университете есть только у студентов некоторых гуманитарных факультетов. Это, разумеется, результат инициированной американскими властями реформы образования 1947 г., целью которой было прежде всего раз и навсегда покончить с «государственным Синто», идеологической опорой поверженного милитаристского режима. С водой выплеснули и ребенка, поскольку запрет на преподавание коснулся всех видов религии и духовности. Между тем все традиционные виды литературы и искусства в Японии всегда имели под собой прочную религиозную, в основном буддистскую, основу. Если взглянуть на основные категории японской эстетики (*югэн*, *ваби*, *саби*, *мусин*, *усин* и пр.), станет ясно, что все они заимствованы из буддийской терминологии и представляют собой проекцию буддийской философии на сферу искусства. Однако по прошествии более полувека от основы мало что осталось: согласно не раз проводившимся мною опросам, большинство

студентов сегодня позиционирует себя как стопроцентных атеистов, не интересующихся религией и не признающих ее ценности. Подобная эмансипация фактически породила в современных поколениях японцев вопиюще индифферентное отношение к любым видам религиозных практик и духовных построений.

Хотя свобода совести предусматривает, согласно конституции Японии, полную свободу вероисповедания, молодежь до восемнадцати лет, а иногда и старше, не имеет ни малейшего представления о вере своих предков, как, впрочем, и о христианстве, не говоря уж об исламе или иудаизме. Для многих не вполне ясна разница между синто и буддизмом, а особенности буддийских сект, в том числе, разумеется, и Дзэн, остаются практически для всей молодежи тайной за семью печатями. Даже те отрывочные сведения о литературе и искусстве, которые бессистемно получают японские дети за годы обучения в школе, фактически не вполне достоверны, поскольку в них умышленно игнорируется роль буддизма и синто. Так, например, в ходе опросов выяснилось, что студентам знакомы имена Иккю (крупнейший дзэнский философ и поэт, 1394--1481) и Рёкан (дзэнский монах-отшельник и великий поэт, 1758--1831), но не в литературном или философском контексте. Оба пользовались известностью не только как литераторы, но также и как дзэнские эксцентрики, а современные студенты знают их уже отнюдь не как великих поэтов и мыслителей, а лишь как забавных чудаков, героев популярных исторических анекдотов и персонажей *манга*, в полном отрыве от литературных шедевров обоих дзэнских мастеров и от их духовного наследия. Смутно знакомо им также имя Мотоори Норинага, но безотносительно к его трудам по синтоизму, исследованиям антологии «Манъёсю» и авторской поэзии *танка*.

Если такие знаковые понятия, как *ваби* и *саби*, довольно часто упоминаются в быту, оставаясь символами японской эстетической традиции (не имеющими, впрочем, однозначного толкования) и, соответственно, на слуху у каждого, то уже понятия *югэн* или *ёдзё* вызывают недоуменные вопросы.

Во многих университетах на гуманитарных факультетах либо вовсе нет курсов, связанных с изучением доктрин буддизма, синто, конфуцианства и китайского даосизма, либо эти религиозно-философские системы упоминаются вскользь, без должных разъяснений. Таков, например, маловразумительный курс «Религия и биоэтика» в программе Международного университета Акита, предлагаемый неким склонным к публицистике монахом-расстригой вместо Введения в религиоведение. Таким образом, подавляющему большинству молодежи ничего не известно об истории синтоизма и его роли в национальной мифологии (как, впрочем, и о роли «государственного Синто» в

истории страны), об истории буддизма и его просветительской миссии, о буддийских основах классической литературы и искусства, о роли конфуцианства в становлении национальной этики, а равно и о восприятии христианских ценностей в средневековой Японии и далее – после реставрации Мэйдзи. Хотя научные труды на данные темы, разумеется, существуют, их содержание не доходит до масс и остается в сфере эзотерических познаний узкого круга посвященных. Как это ни парадоксально звучит, в Японии бурными темпами идет процесс «деспиритуализации» общества.

Небрежение Министерства просвещения и науки к религии тем более парадоксально, что к охране религиозных верований и поддержанию архитектурных сооружений религиозного толка государство относится весьма серьезно. Однако количество поступающих в буддистские академии год от года сокращается, и многие деревенские храмы уже перешли на попечение сельской общины, лишившись священников. Выхолащивание традиционных религиозных верований (при формальном соблюдении многих обрядов и сохранении храмовых праздников) приводит к образованию духовного вакуума и снижению общего уровня как эстетического, так и морально-этического воспитания, хотя последнему в школе уделяется много времени и сил. Идеи глобализации западного образца нанесли серьезный удар по целостности японской картины мира, девальвируя многие национальные духовные ценности в глазах молодежи.

Современная японская культура оказалась отсеченной от своих духовных корней – если не законодательно, то во всяком случае de facto, а колоритные обряды, которые можно наблюдать на Новый год, на праздник Бон, в День девочек, в День мальчиков и во время местных храмовых фестивалей сегодня являются для подавляющего большинства населения всего лишь красочной оберткой, лишенной реального смыслового наполнения.

Отсюда, например, и невероятная, с точки зрения здравого смысла, эклектика свадебных церемоний, получивших название *chappel wedding*. Не секрет, что большинство брачующихся сегодня предпочитают чопорному и дорогостоящему синтоистскому обряду свадьбу по западному образцу – с христианским венчанием, подвенечным платьем, флердоранжем, обручальными кольцами и пышным тортом. При этом венчаются в большинстве случаев жених и невеста, не принадлежащие ни к какой христианской конфессии, что делает всю церемонию нелегитимной. Проводят венчание тем не менее настоящие католические или протестантские священники, для которых подобное действие также нелегитимно – но хорошие гонорары творят чудеса. Разумеется,

жениха и невесту мало занимает религиозная сторона венчания, поскольку они воспринимают такую свадьбу просто как красочно обставленную торжественную церемонию. Широкое распространение церковные свадьбы могли получить среди преимущественно не-христианского населения только в стране, предавшей забвению собственные религиозные каноны и не слишком разборчиво относящейся к чужим. Как говорили древние, «без постоянного нет основы».

К сожалению, надо признать, что в кружках и секциях *хайку*, *икэбаны*, *сумиэ* или чайной церемонии сегодня «теория», то есть Дзэн-буддийская духовная составляющая отсутствует почти полностью. Даже те секции и кружки, которые ведут происхождение от старых школ, порой насчитывающих не одно столетие, довольствуются освоением лишь технического мастерства. За исключением разве что верховных иерархов школы – *измото* (о которых не так уж много известно) - никто из тысяч и тысяч обучающихся теоретических трактатов не читает и к духовному аспекту учения специально не приобщается. Все ограничивается освоением практических навыков и комплекса технических приемов, которые и подаются как единственно ценное наследие школы. Такое же отношение постепенно проникает в последний оплот японской традиционной духовности – классические воинские искусства.

На протяжении веков стержнем морального воспитания в самурайском сословии служил кодекс чести «Бусидо», оформившийся окончательно в эпоху Эдо в трудах Дайдодзи Юдзан и Ямамото Цунэтомо. Кодекс, состоящий на девять десятых из чисто конфуцианских заповедей и на одну десятую из синтоистских верований, сыграл поистине колоссальную роль в создании официальной идеологии самурайства. Уже после реставрации Мэйдзи и роспуска самурайского сословия основные положения Бусидо были использованы для выработки моральных заповедей для солдат императорской армии и спроецированы также на весь массив японского общества в предвоенный и военный периоды. Благородные в основе своей идеи и положения Бусидо были в значительной степени извращены и дискредитированы зверствами японской армии в Китае и на островах Южных морей, что заставило противников милитаристской Японии с подозрением отнестись ко всем проявлениям «самурайского духа». Хотя после поражения Японии во Второй мировой войне пропаганда Бусидо была запрещена оккупационными властями, этические принципы средневекового кодекса чести не ушли из жизни. Некоторые их элементы остались в быту, в национальном самосознании японцев, и отчасти также в школьных программах морального

воспитания. Тем не менее линия преемственности была на долгое время прервана – вплоть до наших дней, когда о Бусидо снова заговорили вслух.

Поскольку упоминать о Бусидо напрямую долгое время было невозможно, современные выпускники школ уже не знают ни о возникновении Бусидо, ни о героях, воплощавших воинские добродетели, ни о конфуцианских корнях тех правил, которые им и сегодня втолковывают в школе. Имена великих полководцев эпохи «враждующих княжеств» Такэда Сингэн и Уэсуги Кэнсин, например, встречаются в учебниках, но едва ли можно в них найти упоминание о том, что оба великих воина были буддийскими послушниками в миру (*нюдо*) и ревностными последователями Дзэн-буддизма.

Запрет на преподавание боевых искусств в Японии был снят только в пятидесятые годы, по окончании американской оккупации. Эффект от их легализации превзошел самые смелые ожидания, поскольку боевые искусства не только возродились в Японии, превратившись в массовые виды спортивных единоборств, но и нашли широчайшее признание на всех континентах, явившись мощнейшим инструментом японской культурной политики. Однако массовизация традиционных будо в конце концов привела к размыванию чистоты учения и забвению изначальных принципов. Что в свою очередь ослабляет позиции Японии на мировой арене боевых искусств, где лидерство давно уже принадлежит другим странам.

Все больше федераций и школ переходит от комплексного психофизического воспитания гармоничной личности к подготовке единоборцев, ориентированных на победы в спортивных соревнованиях. Лишь немногочисленные старые мастера, в основном потомственные наставники будо, еще пытаются сохранить наследие самурайских воинских искусств. Исключением пока еще, возможно, служит Общество воинской добродетели Великой Японии» (Дай Ниппон бутокукай) со штаб-квартирой в Киото – содружество мастеров высокой квалификации, поддерживающих старые самурайские традиции. Остальные федерации и школы, включаясь в глобальный процесс приобщения будо к спорту (поощряемый Международным Олимпийским комитетом), все чаще предаются забвению заветы отцов-основателей, отказываются от обременительной теории и концентрируют усилия в основном на практических упражнениях. Но классические будо никогда не ограничивались практическим обучением. Важнейшей частью процесса считалось также овладение теорией, знакомство с установочными трактатами-*макимоно* и сверх всего – моральное самосовершенствование личности путем усердного психофизического тренинга под непосредственным руководством мудрого наставника.

Мало кто из современных японских мастеров будо может претендовать на роль подлинного гуру. Большинство никогда не читали работ средневековых классиков *будзюцу*, старинных «тайных заветов» *хидэн*, разве что за исключением многократно переиздававшейся «Книги пяти колец» («Горин-но сё») Миямото Мусаси. Не будем забывать о том, что старинные трактаты написаны на языке, который современному молодому японцу практически недоступен. Многие почти ничего не знают о связях японских будзюцу с китайскими и корейскими школами, считая незыблемым приоритет Японии в этой сфере. Многие редко задумываются о целях и задачах изучения *будо* в современном мире, культивируя лишь спортивно-прикладной аспект комплексного учения и не касаясь буддийской теории, лежащей в основе большинства школ. Иные наставники пытаются создать некие собственные этические принципы, отталкиваясь лишь от смутно осознаваемых общих положений Бусидо, подпитанных манга-мифами и теле-легендами, но не опирающиеся на массив теории боевых искусств, составлявшей в течение многих веков основу жизненной философии в странах Дальнего Востока.

В отличие, например, от России, где секции боевых искусств открыты для маленьких детей начиная с трех-четырёхлетнего возраста, большинство японских клубов будо принимает учеников не младше 10--12 лет. При этом в обучении детей компонент сознательного духовного и морального обучения отсутствует полностью. Хотя в известном смысле любая практика боевых искусств способствует закалке характера, как и любой западный вид спорта, но классическое наследие философии будо при этом остается за кадром. По сути дела то же самое происходит сегодня и в секциях для юношества, и в университетских клубах *дзюдо*, *айкидо*, *каратэ*, *сёриндзи-кэмпо*, *кэндо* и *кюдо*, не слишком отличающихся от обычных спортивных секций.

В Университете Будо (преф. Тиба) боевые искусства преподаются преимущественно в спортивном аспекте, как и в секциях при токийском Будокане и его аналогах в других городах. В этом смысле ситуация в мире боевых искусств Японии не слишком отличается от ситуации в любой стране Запада или отличается в сторону утилитарности и излишнего упрощения предмета. Возможно, поэтому в современной Японии не приживаются экстремальные виды тренинга будо, сравнимые с китайским *цигуном*, которые требуют полной самоотдачи и неукоснительного следования традиции. В целом же занятия будо в стране явно не носят такого массового характера, как, например, в Китае.

В клубах фитнеса за последние двадцать лет появились секции индийской (хатха) йоги, но они включают только набор основных асан, никак не подкрепленных теорией

и не опирающихся на изучение специальной литературы. То же можно сказать и об оздоровительных секциях гимнастики Тайцзи-цюань. Во многих клубах есть также секции «боевых искусств», но они и вовсе представляют собой детскую адаптацию нескольких приемов самообороны для нужд фитнеса.

Если для бытовых праздников и даже для спортивных единоборств соблюдения чисто внешних правил и отправления обрядов достаточно для поддержания хотя бы видимости традиции, то на отношение новых поколений японцев к искусству и литературе классических жанров размывание и постепенное исчезновение традиционных духовных компонентов, бесспорно, оказывает самое негативное влияние. Классическая литература в чистом виде уходит безвозвратно. По иронии судьбы она одновременно приходит на Запад в многочисленных качественных переводах. Японская классика неизменно пользуется успехом в Америке и Европе, а ее беспрецедентный успех в России – феномен, еще ждущий логического объяснения.

Впрочем, объяснение напрашивается само собой: в японской классической литературе и искусстве люди Запада находят именно то, чего им не хватает в собственной мультикультурной среде, подавленной засильем хайтека и не дающей четких ориентиров для развития целостной индивидуальности – мощную единую духовную традицию, подкрепленную всем массивом дальневосточной философии и направленную на психофизическое совершенствование личности. Поскольку основные шедевры японской литературы и классические трактаты китайских мыслителей давно уже переведены на европейские языки, для адептов восточной духовности открыты все пути – в том числе и те, которые для самих японцев ныне почти полностью закрыты.

Какова будет дальнейшая судьба классического наследия Японии в 21 веке? Однозначного ответа на этот вопрос не существует, но скорее всего, если общая тенденция не изменится, через пятнадцать-двадцать лет классика здесь окончательно выйдет из обращения и перейдет в разряд музейных экспонатов. Есть, правда, и альтернативные варианты. Так, например, если Китай превратится в ведущую экономическую сверхдержаву, определяющую политическую силу в Азии и во всем мире, то не исключено, что в Японии вновь будет введено обязательное фундаментальное изучение китайского языка, а это значительно расширит иероглифическую базу школьников. К нему не так уж трудно будет добавить *вэньянь*, что даст возможность вернуть японскому читателю значительную часть утраченной классики.

Другая перспектива – возврат к отечественной классике через посредство англоязычных переводов. Эту опцию мы сейчас в экспериментальном порядке прорабатываем в Международном университете Акита. Ведь Япония взяла курс на глобализацию, которая для самих японцев представляется в первую очередь процессом тотального внедрения английского языка в жизнь пока еще монолингвистического общества. Предположительно, через десять-пятнадцать лет английский станет естественным вторым языком и будет играть такую же роль, которую он играет ныне в Индии, Сингапуре, Гонконге или Тайбэе. Если это действительно произойдет, то чтение литературы на английском станет для японцев легким и приятным занятием. Тогда знакомство с японской классикой в хороших английских переводах окажется для школьников и студентов гораздо проще и эффективней, чем приобщение к ней через посредство скверно усвоенного *кобуна* – во всяком случае, на начальном этапе.

Так, в моих группах японской литературы МУА, состоящих из японских студентов и иностранных стажеров, где лекции читаются в основном на английском, мы используем в качестве пособия антологию переводов классики (составленную Дональдом Кином), но постепенно дополняем ее оригинальными текстами в меру индивидуальных возможностей каждого. Постепенно доля оригинальных текстов возрастает, и многие японские студенты охотно вовлекаются в процесс билингвистичного чтения, а некоторые к концу курса начинают самостоятельно читать подлинники с хорошими комментариями или переводами на современный язык. Преимущество такого метода состоит в том, что студенты с самого начала могут свободно ориентироваться в широком диапазоне средневековой классики на английском и тем самым получают стимул для освоения оригинальных текстов. Но и чтение основных памятников древней литературы на английском тоже может немало дать молодежи, особенно, если бы удалось внедрить такое обучение в средней школе.

Впрочем, пока о массовом внедрении билингвистичного преподавания японской литературы говорить рано, а статус японской классики в обществе на сегодняшний день внушает все больше опасений. Время покажет, как Япония сможет ответить на этот вызов в эпоху глобализма.